

«ШКОЛЬНЫЙ» КАНОН ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИНТЕРНЕТ-МЕМА: КРИЗИС РЕЦЕПЦИИ VS. СМЕНА РЕЦЕПТИВНОГО СЦЕНАРИЯ

Ольга Мигутина

УДК: 82.0+304.

Ключевые слова:
культура чтения, интернет-мем,
литературный канон, классика,
современность.

Аннотация

Статья посвящена процессам современной культуры чтения, отраженным в интернет-меме. Основным материалом исследования — литературные интернет-мемы, опубликованные сообществом «Literary Memes» в социальной сети «ВКонтакте». В статье представлены социологический портрет аудитории «Literary Memes» и анализ публикуемого сообществом контента. Автора интересует, как интернет-мем работает с воображаемым культурной традиции, а также с личным и коллективным опытом. В результате автор приходит к выводу, что модальность интернет-мема в целом соответствует общекультурной модальности, но функциональная и структурная специфика интернет-мема позволяют говорить о смене «традиционной» читательской стратегии и трансформации логики обращения со смысловым полем классики — полем канона: благодаря интернет-мему литературное содержание взаимодействует с непосредственным жизненным опытом читателя через идентификационные сценарии.

The Literary Canon in Internet Memes: Reception Crisis vs. Change of Receptive Scenario

Olga Migutina

Keywords:
reading culture, Internet meme,
literary canon, classics, modernity.

Abstract

The article examines contemporary reading culture processes represented through Internet memes. The research mainly focuses on the Internet memes published by *the Literary Memes* community in the social network *Vkontakte*. The article provides a case study of the community members and analyzes the content published on the page. The author investigates how Internet memes interact with cultural imaginary, as well as personal and collective experience. As a result, the author concludes that Internet meme modality overall corresponds with cultural modality, however, the functional and structural specificity of Internet memes suggests a change both in “traditional” reading strategy and the rendition principles of the scope of the “classics” — the so-called literary canon: due to Internet meme, the literary content interacts with the reader’s direct life experience through identification scenarios.

Введение: кризис классического канона и / или кризис канонической рецепции?

В 1962 году К.И. Чуковский писал:

«...Всегда ли школа обогащает литературой, поэзией, искусством духовную, эмоциональную жизнь своих юных питомцев? Нет, для множества школьников литература — самый скучный, ненавистный предмет. Главное качество, которое усваивают дети на уроках словесности, — скрытность, лицемерие, неискренность. Школьников насильно принуждают любить тех писателей, к которым они равнодушны, приучают лукавить и фальшивить, скрывать свои настоящие мнения об авторах, навязанных им школьной программой, и заявлять о своем пылком преклонении перед теми из них, кто внушает им зевотную скуку» [Чуковский 2012: 144–145].

Кажется, что за более чем полвека мало что изменилось: сегодня школьная программа по литературе (она же — «школьный» канон) подвергается критике по тем же причинам, что и пятьдесят лет назад, причем с разных сторон — и со стороны педагогов, и со стороны учеников¹.

Например, учитель русского языка и литературы Роман Лазебников отзывается о школьной программе по литературе так:

«Я абсолютно искренне не понимаю, зачем подросткам читать русских классиков 19 века. По моему глубокому убеждению, книги существуют для того, чтобы читатели могли лучше понять себя и мир, в котором им выпало воплотиться. А теперь вопрос: каким образом современный подросток может себя ассоциировать с героями русской канонической литературы, если в его глазах Онегин, Печорин, Обломов, Раскольников и далее по списку являются законченными “печальными лохами”. Извините. Их поступки, мотивация, депрессивно-абстинентные состояния совершенно непонятны моим ученикам» [Лазебников 2019].

Учительница русского языка и литературы Римма Раппопорт в своей книге о детской нелюбви к чтению приводит высказывания учеников. Вот, например, мнение о «школьном» каноне шестнадцатилетней Лизы из Санкт-Петербурга:

1. Безусловно, критическая точка зрения на «школьный» литературный канон — одна из возможных, и мы ни в коем случае не абсолютизируем ее. Однако именно этот критический взгляд, являясь своего рода «общим местом», обнаруживает исследовательскую проблематику — противоречия в культурных установках, которые и представляют для нас наибольший интерес, потому мы отдельно акцентируем его.

«Что мне лично не нравится в классике? Есть вещи, которые очень сильно давят. Достоевский, например. Тебе вроде как нравится, а потом ходишь весь день, и так гадко. Или вот всякие депрессивные мысли героев, которые ты пытаешься подавить в себе, достигаешь определенного успеха, а потом они берут и прыгают на тебя со страниц книги из уст героев, и это все равно что токсичные люди. Для меня это базовые причины, по которым я от чего-то отказываюсь в той же школьной программе» [Раппопорт 2021: 137].

Итак, один из главных рефренов звучащих по обе стороны баррикад претензий к «школьному» литературному канону — его «безжизненность», «странность», нерелевантность «жизненному миру»², повседневности современного (особенно юного, как раз и выступающего в роли главного потребителя этих текстов) читателя. И дело, очевидно, не столько в исторической или языковой дистанции (она методически преодолима), сколько в дистанции концептуальной. «Школьная» классика нередко воспринимается как внеположенная любому актуальному, становящемуся опыту, «своему», проверяемому в практике сообщества, в противовес «готовому», «чужому», культурно предзаданному. При этом она стерильна, внедискуссионна — в том смысле, что даже при возможной в «продвинутых» школах вариативности некоторых аспектов интерпретации итог один — выход к заранее заданным, конвенциональным культурным смыслам, потому что дискуссия синонимична в этом случае посягательству на абсолютную культурную ценность³. «Увы, как правило, ребенок должен воспроизвести на уроке и в сочинении точку зрения учителя, которая почерпнута из методичек и критических статей», — пишет Р. Раппопорт [Раппопорт 2021: 139]. И тут обнаруживается болевая точка «школьного» литературного канона: «вечное содержание», ретранслируемое школьной программой, оказывается фактически заслонено подчеркнуто чужим поведенческим опытом, набором чужих поступков и чувствований и, таким образом, практически никак не связано с решением актуальной возрастной задачи — задачи освоения сценариев повседневной жизни, которую среди прочего и призвана решать с помощью классического текста школьная программа.

2. Мы употребляем это понятие в значении, предложенном Э. Гуссерлем [Гуссерль 2013].

3. Об этом, в частности, говорит психолог Катерина Поливанова: «С этими текстами нельзя ничего сделать: их нельзя анализировать, о них нельзя раздумывать. Это абсолютно стерильная классика, это абсолютная истина в последней инстанции» [Поливанова. 2021].

Социальная тревожность, которую вызывает проблема «школьного» канона, объяснима: школьная программа по литературе в своей образовательной функции отсылает к некому общекультурному знанию. Через посредничество литературы предполагается усвоение некоего общего культурного кода⁴ — набора аксиологических установок, ценностных выборов, ролевых моделей, обеспечивающих коммуникацию и структурирующих социальное пространство через дихотомию свой / чужой. И если школьная программа (один из ключевых социальных институтов) больше не справляется с базовой задачей «обеспечения культурной самоидентификации»⁵, означает ли это, что уже минимум полвека мы погружены в культурный кризис, который угрожает самой национальной идентичности сообщества⁶?

Как представляется, нет — отнюдь не означает. Оставив вопросы реформирования педагогической системы специалистам, попробуем понять, есть ли иной путь, которым «школьный» канон все же «добирается» до читателя, и, если есть, как он трансформирует восприятие канона. Иными словами, каково быть читателем «школьной» классики сегодня?

4. О восприятии составляющего «школьный» канон литературного наследия в качестве основы общего культурного кода говорит, в частности, социолог Л.Ф. Борусяк: «Классику читать надо обязательно — это основа нашей культуры, на ней базируется наш культурный код, без знания классики русская культура существовать не может. В этом уверены практически все, эту ценность поддерживают все культурные институты, и прежде всего школа. Причем читать необходимо не просто классические произведения русской литературы, а именно те, которые в советскую школу перешли из русской гимназии и список которых не пересматривается много десятилетий» [Борусяк 2017: 192–193]. Роль художественной литературы в формировании по принципу преемственности единого культурного пространства отмечают и родители, как выяснила, проведя опрос, Р.В. Раппопорт [Раппопорт 2021].

5. См. приказ Минобрнауки России № 1897 (2010 год): [Об утверждении... 2010].

6. Социолог Абрам Рейтблат пишет: «Основная функция литературы — поддержание культурной идентичности общества на основе тиражируемой письменной записи» [Рейтблат 2014: 13]. Ту же идею встречаем в очерке Льва Гудкова и Бориса Дубина «Литература как социальный институт»: «Литература определяется <...> как социальный институт, основное функциональное значение которого полагается нами в поддержании культурной идентичности общества <...>. Литература <...> выделяется как едва ли не единственное средство тематизации и трансляции неспециализированных (“общечеловеческих”) значений и образцов действия, чувствования, отношения к различным символическим объектам» [Гудков, Дубин 2020: 47–48].

Культура чтения и интернет-мемы

Ответ на этот вопрос логично искать там же, где любой современный школьник ищет почти всю информацию, — в интернете. Но, конечно, не просто в Google.

Как показал американский философ и культуролог Генри Дженкинс, современная культура медиаконвергентна: в ней нет четкого разделения на «онлайн» и «офлайн», а есть единое поле культурных практик и значений, которые перетекают из виртуального пространства в реальное и наоборот [Jenkins 2006]. Тогда закономерно, что изучение культурных процессов, отраженных в интернете, может дать нам вполне достоверное знание о довольно трудно фиксируемом поле рецептивных откликов и — шире — о современной культуре чтения. Под культурой чтения мы понимаем устойчивую систему коллективных читательских практик, закрепленных на уровне социального (а значит, и коммуникативного) опыта, — опыта культурно опосредованного, интерпретирующего прочтения художественного текста сообществом. Виртуальной единицей, которая (за счет своего коммуникативного потенциала) аккумулирует в себе и (за счет своей структуры) трансформирует этот социокультурный опыт интерпретирующего прочтения художественного текста, может служить литературный интернет-мем.

Оксфордский словарь английского языка определяет интернет-мем так: «Изображение, видео, фрагмент текста и т.п., обычно юмористического характера, которые копируются и стремительно распространяются интернет-пользователями, часто с небольшими изменениями»⁷ [OED]. Это определение актуализирует конститутивные признаки интернет-мема: в пространстве интернета мем служит посредником в коммуникации, имеет форму медийной единицы, является «вирусным» и, как правило, смешным.

Взглянуть на проблему «школьного» канона и — шире — современной культуры чтения сквозь призму интернет-мема любопытно по двум причинам. Во-первых, интернет-мем позволяет получить представление о той читательской реакции, которая редко фиксировалась в письменном виде. А если фиксировалась, то в основном опосредованно, интерпретативно, через призму других рецепций — в мемуаристике или в самом художественном тексте. Интернет-мем разворачивает перед нами обширное полотно реакций «массового» читателя, представленных в «чистом» виде, без «примеси» оцени-

7. Текст оригинала: «An image, video, piece of text, etc., typically humorous in nature, that is copied and spread rapidly by internet users, often with slight variations».

вающего взгляда другого. В этом смысле интернет-мем демократичен, поскольку функционирует в самом демократичном, беспрецедентном по своей доступности, социальном пространстве — в сети. Во-вторых, думается, что интернет-мем является наиболее релевантным источником для описания именно современной культуры чтения. Он воплощает тот тип взаимодействия с литературой, который характерен для современного поля культуры и который порожден современностью, включая цифровую среду и особенности существования и распространения в ней информации.

Сообщество «Literary Memes»

Распространение интернет-мемов зачастую осуществляется в пределах сетевого сообщества. Одно из наиболее крупных сообществ с литературными интернет-мемами в социальной сети «ВКонтакте» — сообщество «Literary Memes».

Аудитория «Literary Memes»⁸

По данным на 23 февраля 2021 года, общее количество подписчиков сообщества «Literary Memes» — 103 775 аккаунтов. Общее количество уникальных посетителей страницы за период с 23 января по 23 февраля 2021 года — 9 763 аккаунта⁹. Согласно статистике посещаемости страницы за период с 23 января по 23 февраля 2021 года, бóльшая часть аудитории сообщества — молодые люди в возрасте от 18 лет до 21 года (29% женщин и 11,1% мужчин от числа всех посетителей страницы), на втором месте — молодые люди в возрасте до 18 лет (22,6% женщин и 5,3% мужчин от числа всех посетителей страницы), на третьем — молодые люди в возрасте от 21 года до 24 лет (10,7% женщин и 5,7% мужчин от числа всех посетителей страницы). Общая доля молодых людей в возрасте до 24 лет, посетивших страницу сообщества за этот период, — 84,4%. В статистике охвата аудитории за тот же период на первом месте — молодые люди в возрасте от 18 лет до 21 года (31,7% женщин и 9,6% мужчин от общего числа охватов), на втором — молодые люди в возрасте от 21 года до 24 лет (20% женщин и 9,3% мужчин от общего числа ох-

8. Даты сбора статистических данных обусловлены временем проведения исследования. Как представляется, методологическая значимость строгого принципа отмеривания временных интервалов не существенна; наша главная задача — показать, что за период, в который проводилось исследование, значительных колебаний статистики не наблюдалось.

9. Статистика сообщества находится в открытом доступе. URL: [link](#) (12.09.2021).

ватов), на третьем — молодые люди в возрасте до 18 лет (8,9% женщин и 2,6% мужчин). Общая доля молодых людей в возрасте до 24 лет, охваченных контентом сообщества за этот период, — 82,1%.

По данным на 6 апреля 2021 года, общее количество подписчиков сообщества — 103 797 аккаунтов. Общее количество уникальных посетителей страницы за период с 6 марта по 6 апреля 2021 года — 6 511 аккаунтов. Согласно статистике посещаемости страницы за период с 6 марта по 6 апреля 2021 года, большая часть аудитории сообщества — молодые люди в возрасте от 18 лет до 21 года (26,5% женщин и 14,5% мужчин от числа всех посетителей страницы), на втором месте — молодые люди в возрасте до 18 лет (18,7% женщин и 5,3% мужчин от числа всех посетителей страницы), на третьем — молодые люди в возрасте от 21 года до 24 лет (11,8% женщин и 7,1% процентов мужчин от числа всех посетителей страницы). Общая доля молодых людей в возрасте до 24 лет, посетивших страницу сообщества за этот период, — 83,9%. В статистике охвата аудитории за тот же период на первом месте — молодые люди в возрасте от 18 лет до 21 года (31,4% женщин и 9,9% мужчин от общего числа охватов), на втором — молодые люди в возрасте от 21 года до 24 лет (20,9% женщин и 9,4% мужчин от общего числа охватов), на третьем — молодые люди в возрасте до 18 лет (8,1% женщин и 2% мужчин). Общая доля молодых людей в возрасте до 24 лет, охваченных контентом сообщества за этот период, — 82,1%.

По данным на 12 сентября 2021 года, общее количество подписчиков сообщества — 103 361 аккаунт. Общее количество уникальных посетителей страницы за период с 12 августа по 12 сентября 2021 года — 6 432 аккаунта. Согласно статистике посещаемости страницы за период с 12 августа по 12 сентября 2021 года, большая часть аудитории сообщества — молодые люди в возрасте от 18 лет до 21 года (30,2% женщин и 11,4% мужчин от числа всех посетителей страницы), на втором месте — молодые люди в возрасте до 18 лет (17,5% женщин и 4,4% мужчин от числа всех посетителей страницы), на третьем — молодые люди в возрасте от 21 года до 24 лет (14,4% женщин и 6,7% мужчин от числа всех посетителей страницы). Общая доля молодых людей в возрасте до 24 лет, посетивших страницу сообщества за этот период, — 84,6%. В статистике охвата аудитории за тот же период на первом месте — молодые люди в возрасте от 18 лет до 21 года (33,1% женщин и 10,6% мужчин от общего числа охватов), на втором — молодые люди в возрасте от 21 года до 24 лет (20% женщин и 9,3% мужчин от общего числа охватов), на третьем — молодые люди в возрасте до 18 лет (10,1% женщин и 2,3% мужчин). Общая доля молодых лю-

дей в возрасте до 24 лет, охваченных контентом сообщества за этот период, — 85,4%.

Большая часть охваченной сообществом аудитории и большая часть посетителей сообщества за все время¹⁰ из России (93,63% от общего числа охватов и 91,07% от числа всех посетителей страны).

Итак, статистические данные позволяют составить социологический портрет аудитории сообщества. «Типичный» пользователь «Literary Memes» — в настоящем или недавнем прошлом ученик¹¹ российской школы¹², а значит — главный читатель русской классической литературы — корпуса текстов, закрепленных школьной программой в статусе канонических.

Контент «Literary Memes»

Тематическое поле сообщества организовано в первую очередь классикой — преимущественно русской (чаще всего в мемах упоминаются «Война и мир» и «Герой нашего времени», на втором месте примерно с одинаковой частотой упоминания — «Горе от ума», «Евгений Онегин», «Обломов», «Мастер и Маргарита», «Преступление и наказание» и «Бесы»; из авторов — Ф.М. Достоевский, А.С. Пушкин, С.А. Есенин, В.В. Маяковский, А.П. Чехов), но в том числе и зарубежной (Э.М. Ремарк, А. Дюма, Дж. Байрон; «Портрет Дориана Грея» О. Уайльда и «1984» Дж. Оруэлла). Также встречается современная русская и зарубежная литература с устоявшимися репутацией и эстетическим статусом — признанная «хорошей» (И.А. Бродский, В.О. Пелевин, «Бойцовский клуб» Ч. Паланика) или, наоборот, «очень плохой» (А. Полярный и Д. Донцова). На диаграммах ниже представлено количество упоминаний¹³ тех или иных русскоязычных и зарубежных авторов¹⁴ и произведений русской и зарубежных литератур в мемах, опубликованных сообществом за двенадцать месяцев — с 13 августа 2020 года по 12 августа 2021 года (см. илл. 1 и илл. 2 соответственно).

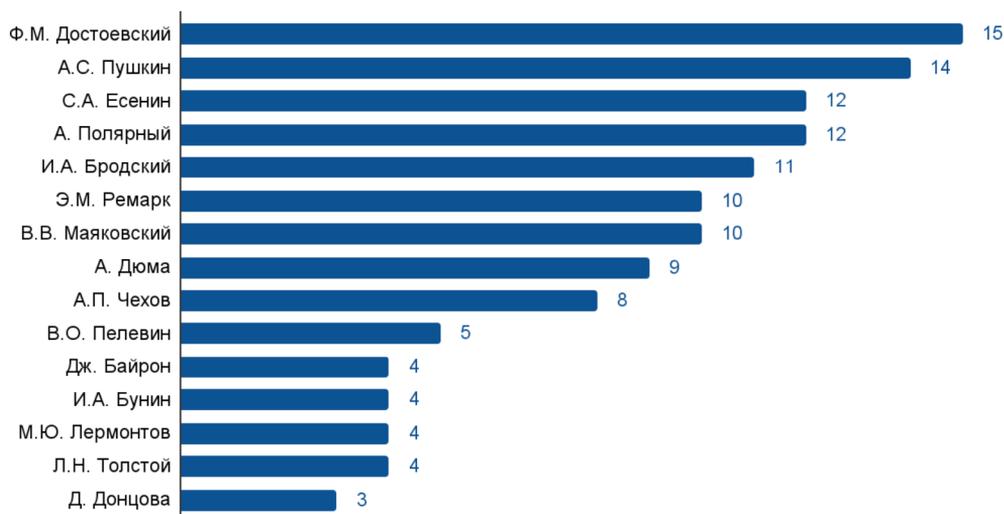
10. По данным на 12 сентября 2021 года.

11. Мы не учитываем гендерные различия пользователей как непринципиальные для нашей работы.

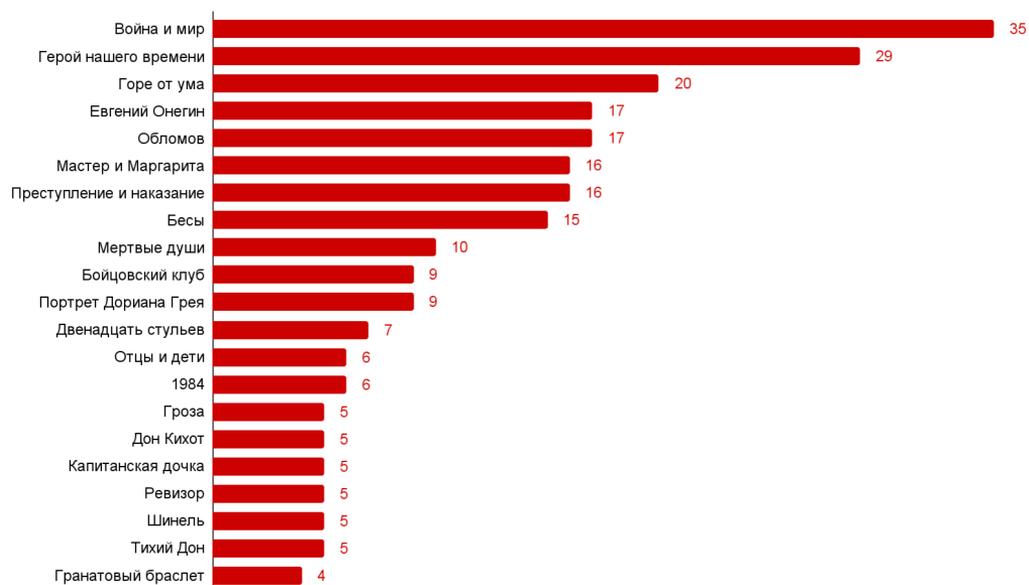
12. Школы в обобщенном смысле, то есть как институционального образования, выполняющего государственный и социальный заказ по «воспитанию» граждан.

13. Диаграммы отражают именно количество упоминаний того или иного тематического элемента в меме, а не количество отдельных мемов. То есть в одном меме могут упоминаться сразу несколько выделенных нами тематических элементов.

14. Учитывались только упоминания биографических сведений об авторе или информации, связанной с творчеством автора в целом.

Илл. 1. Количество упоминаний русскоязычных и зарубежных авторов в мемах, опубликованных сообществом «Literary Memes».

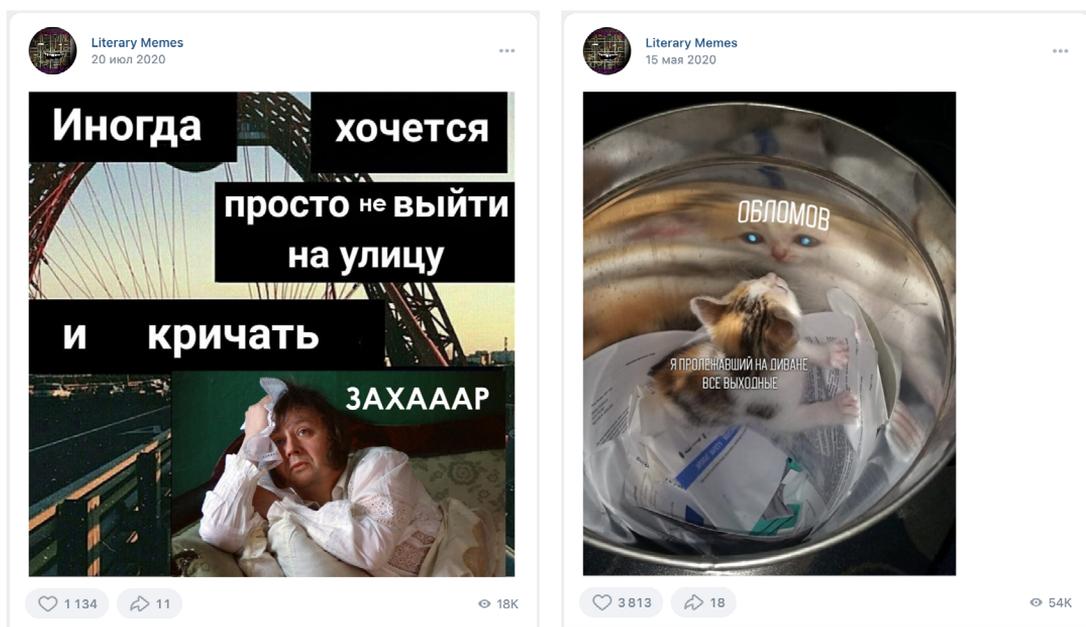
Илл. 2. Количество упоминаний произведений русской и зарубежной литературы в мемах, опубликованных сообществом «Literary Memes».

Как видно из состава контента, интернет-мем работает с каноном, прежде всего со «школьным» (отсюда многочисленные мемы, посвященные авторам и произведениям из школьной программы по литературе), но также и с каноном иного уровня — «условным» каноном: корпусом имен и текстов, знание которых и особое общепринятое отношение к которым формируют идентичность читательского сообщества (отсюда мемы про Бродского, Виктора и Александра Пелевиных, Полярного, Донцову, «Бойцовский клуб»).

Итак, перед нами, с одной стороны, «пятнадцать иконок на стене класса литературы» [Васякина 2021] — «безжизненный» мифологизированный «школьный» канон, который не отвечает запросам современного юного читателя и который, казалось бы, этому читателю малоинтересен, но знание которого обязательно, а с другой стороны — неутомимо множимые этим же читателем интернет-мемы, предметом которых является содержание этого канона. Интернет-мем показывает, что, вопреки распространенному представлению о неприятии классики молодым читателем (см. Введение), ассоциирование себя с героями классических произведений возможно — и с Онегиным, и с Печориным (см. илл. 3), и с Обломовым (см. илл. 4). Можно ли тогда говорить о том, что констатировать нерелевантность — прежде всего мировоззренческую — классического текста для современного читателя преждевременно? Как интернет-мем работает с классическим текстом и какие пути восприятия этого текста предлагает реципиенту?

Илл. 3. Интернет-мем, демонстрирующий возможность читательской самоидентификации с Онегиным и Печориным. URL: [link](#) (28.12.2022).

Илл. 4. Интернет-мемы, демонстрирующие возможность читательской самоидентификации с Обломовым. URL: [link 1](#), [link 2](#) (28.12.2022).

Литературный интернет-мем и поиск идентичностей

Прежде чем обратиться к рассмотрению этих вопросов, скажем несколько слов о структуре интернет-мема. Конститутивное структурно-семантическое свойство интернет-мема — контекстуальность. Интернет-мем конструируется за счет отсылок, соотносимых с двумя планами — виртуальной и внешней реальностью. Отсылки к плану виртуальной реальности означают включенность интернет-мема в контекст других интернет-мемов — через его соотнесенность с некоторым воспроизводимым из мема в мем визуальным рядом (не обязательно точь-в-точь — вариативность ограничена лишь необходимостью сохранения узнаваемого визуального сюжета). Отсылки к плану внешней реальности означают включенность интернет-мема в жизненный контекст — через его соотнесенность с коллективным бытийным опытом; на основе солидарности индивидуальных опытов интернет-мем формирует коллективную идентичность.

Итак, интернет-мем — напряженное смысловое пространство, конструируемое множеством текстуальных и контекстуальных связей. Такова его дискурсивная природа: он одновременно отсылает к различным культурным значениям. Это пространство диалогического конфликта различных культурных значений,

различных культурных опытов (воображаемых действительностей), но в то же время — пространство компромисса, возможного благодаря трансформации актуальных культурных значений.

Структурная зона трансформации актуального культурного значения — элемент комического в интернет-меме. Если анекдот закрепляет, автоматизирует культурное значение, то интернет-мем же, наоборот, остраивает его за счет своей принципиальной вариативности: мем обновляет культурное значение, помещая его в неожиданный, деавтоматирующий контекст — контекст других мемов (а значит, других культурных значений). Чем неожиданнее несоответствие, диссонанс контекстов, тем смешнее мем и тем сильнее остраивающий эффект. Векторы иронии интернет-мема всесторонни, они направлены одновременно во все структурные контексты.

Литература в своей социальной функции — область конструируемых (воображаемых) значений, которые могут стать основой для формирования социокультурной идентичности. Таким образом, в литературном интернет-меме сталкиваются различные культурные опыты: обобщенная культурная идентичность (идентичность воображаемого сообщества¹⁵), формированию и поддержанию которой должен способствовать институционализированный художественный текст, прочитываемый в школьной программе определенным образом и коллективные идентичности, формируемые иными культурными контекстами, в которых участвует читатель.

Одна из смысловых точек пересечения этих опытов в литературном интернет-меме — литературный герой. Институционализированный канон предписывает читателю выстраивать собственную культурную идентичность за счет солидаризации с определенными героями классических текстов. Так, на интернет-портале «ГодЛитературы.РФ», учрежденном «Российской газетой», — официальным печатным органом Правительства Российской Федерации — в материале, посвященном анализу романа И.А. Гончарова «Обломов»¹⁶, читаем следующее:

15. Термин «воображаемые сообщества» ввел исследователь проблемы нации и национализма Бенедикт Андерсон: это сообщества, члены которых ввиду невозможности личного контакта между ними «солидаризированы унифицированным воображением» [Андерсон 2016].

16. Несмотря на то что, что статистически роман Гончарова — не самое часто упоминаемое сообществом *Literary Memes* произведение, мы выбираем для анализа цикл интернет-мемов, тематически объединенных соотносительностью именно с ним. Наш выбор обусловлен репрезентативностью этого материала: интернет-мемы, посвященные «Обломову», регулярно воспроизводят ряд устойчивых сюжетов, связанных с героями романа и отражающих рефлексию читателя над собственной культурной идентичностью.

«Нынешнему школьнику Штольц намного ближе Обломова. Современных ребят — в большинстве своем — рассуждения о “золотом сердце” не убеждают, а читать о терзаниях прокрастинирующего Ильи Ильича откровенно скучно. <...> Зато Штольц у юных читателей вызывает уважение: он и родителей не по-срамил, и другу попытался помочь, состоялся и как профессионал, и как семьянин [курсив наш. — О.М.]» [Разумихина 2020].

Очевидно, что речь здесь идет не столько о герменевтической интерпретации героев романа, сколько о построении модели идентичности, которая может (и должна) быть присвоена школьником. Но и главное познавательное усилие интернет-мема как минимум сродни идентификационному: оно состоит в том, чтобы опознать что-то или кого-то как аналогичное, установить схожесть различного и далекого. Литература в своей «школьной» функции работает с идентичностью — с ней же работает и литературный интернет-мем.

Институционализованный канон предписывает читателю принять ролевую модель Штольца — выстроить собственную идентичность на основе этого образа. Примечательно, что интернет-мем демонстрирует иную, противоположную, тенденцию: современному читателю близок отнюдь не Штольц, а именно «прокрастинирующий Илья Ильич», и именно между ним и собой читатель стремится провести аналогию.

Сквозным сюжетом мемов, отсылающих к роману И.А. Гончарова «Обломов», становится «диванный» образ жизни Ильи Ильича (см. илл. 4). Интернет-мемы реконструируют, отталкиваясь от тек-

Илл. 5. Интернет-мем, воспроизводящий устойчивую схему взаимоотношений главных героев романа «Обломов»: Штольц и Ольга «спасают» Илью Ильича. URL: [link](#) (28.12.2022).

ста и «школьной», классической интерпретации, образы главных героев романа, воспроизводят устойчивую схему их взаимоотношений. Илья Ильич традиционно пассивен и апатичен, а деятельный Штольц и добросердечная Ольга пытаются его «спасти» — воскресить к жизни, при этом подчеркиваются зависимость Ильи Ильича от Штольца, его покровительствующая роль (см. илл. 5). Мем не переосмысляет концепцию героя, но остраниет ее за счет иронии, возникающей благодаря взаимодействию различных неожиданных контекстов (в том числе визуального ряда).

Ирония — важный элемент повествовательной системы самого романа. Ирония прежде всего направлена на образ главного героя (так, основной прием главы «Сон Обломова» — комическое сопоставление) — и поэтически (драматически и даже трагически [Лоскутникова 2012]) заряжена: «внешняя комическая трактовка сочетается <...> с внутренней серьезностью» [Отрадин 1992: 115]. В результате ирония «Обломова», становясь средством «воплощения тяжелых драматических и непримиримых трагических конфликтов как в душе героя, так и в его взаимоотношениях с миром» [Лоскутникова 2012: 23], задает особый рецептивный модус:

«Юмор дает читателю возможность пережить своеобразный катарсис, принять с улыбкой сообщения, которые в другом освещении могли бы вызвать совсем другие чувства. <...> Судьба Обломова с ее трагическим смыслом — очень существенная правда о жизни, но все-таки не “вся” жизнь. Читатель подготовлен к тому, чтобы принять итог художественного осмысления трагического противоречия» [Отрадин 1992: 125].

Функция гончаровской иронии примиряющая: она примиряет поэтическую трагедию с повседневной действительностью.

В этом интернет-мем совпадает с «авторской» стратегией текста. Ирония мема снижает пафос концепции Обломова, приближает образ героя и его опыт к читателю, реактуализируя в культуре литературный сюжет романа. Через литературный интернет-мем читатель как бы присваивает себе этот опыт, солидаризируется с ним, идентифицирует себя через конструируемый образ героя. Герой как бы становится на один уровень с читателем, воспринимается им как «свой» — «такой же, как я».

Интернет-мем воспринимает культурную оппозицию образов Обломова и Штольца и учитывает то, что воображаемое культурной традиции отдает предпочтение второму (см. илл. 6), однако он учитывает не только опыт традиции, но и иной, повседневный, культурный опыт, ориентированный на обломовский тип. Распоз-

Илл. 6. Интернет-мем, воспроизводящий «традиционную», «школьную» точку зрения на оппозицию образов Штольца и Обломова. URL: [link](#) (28.12.2022).

навание в образе Обломова «триггерных точек» актуальной повседневности, заложенных в личном опыте читателей, и делает этот образ таким «мемным».

Образ Обломова собирательный, как и образ Штольца, — но Штолец, как показывает интернет-мем, интересен читателю лишь в связке с Обломовым, как элемент, работающий на конструирование смыслового поля Обломова. Нам не встретилось ни одного интернет-мема, в котором читателю предлагалось бы ассоциировать себя со Штольцем. Как представляется, причина этому в релевантности именно черт Обломова: лень и праздность, апатичность, склонность к бесплодным мечтаниям, беспомощность перед жизненными (бытовыми, социальными) сложностями, — для личного, повседневного опыта читателя.

Значит, образ Штольца для реципиента абстрактен как литературный идеал, в то время как образ Обломова конкретен как ценностная координата актуальной повседневности — понятен читателю по его собственному жизненному опыту. Предпочесть условное лежание на диване, которое идет вкуче с «диванным философствованием», условным делам или встрече с друзьями (то есть любому иному — как неприятному, так и конвенционально приятному — времяпрепровождению) — это так называемое *guilty pleasure* («предосудительное удовольствие») вне социальных рамок, как и некая бытовая и социальная дезориентированность. Комичность мема возникает не только из-за смеха над героем, но и во многом за счет смеха «над собой»: я как Обломов, а Обломов — как я,

и от этого мне смешно. Заложённая в интернет-меме самоирония размывает границу между опытом литературного текста и личным опытом читателя.

Таким образом, литература в рецепции мема сохраняет в социальном дискурсе свою медиальную — идентификационную — функцию, но ирония мема — смех и над пафосом романа, и над самим собой как читателем и как человеком, которому ничто человеческое не чуждо, — перенаправляет эту медиальную функцию в иную, чем «школьная», ценностную парадигму, более сложно устроенную. И быть Обломовым в этой парадигме, может, немного и стыдно, но непременно смешно и человечно, и поэтому легитимно.

Симптоматично, что релевантность именно образа Обломова актуальной повседневной действительности отмечается в связи с «терапевтическим поворотом» — широким распространением идей популярной психологии, прежде всего концепции «здоровых отношений»¹⁷:

«Идеальный любовник этого мира, действительно, уже не Вронский и не Печорин, а совершенно неожиданный персонаж — Илья Ильич Обломов, на пике влюбленности в Ольгу Сергеевну заключивший для себя, что ему “к лицу покой, хотя скучный, сонный; а с бурями я не управлюсь”. Любовь — это слишком большой проект, на который уставшему субъекту постмодерна (особенно в его постсоветском изводе) просто не хватает сил» [Аронсон 2021].

Кризис рецепции vs. смена рецептивного сценария

Принципиально, что интернет-мем не предлагает новую интерпретацию образа Обломова, а действует в рамках готовой культурной традиции, заданной академическим прочтением романа [Отрадин 1991]. Интернет-мем интерпретирует образ Обломова через традиционную для герменевтического литературоведения и эстетической критики поэтизирующую оптику обломовщины — трагической ситуации неразрешимого конфликта с реальностью:

«Обломов — как особый тип сознания, которое не приемлет идею постепенного преобразования жизни в соответствии с идеалом, с учетом объективных условий жизни и объективного хода времени. Порыв к гармонии, мечте, к жизни, совпавшей с идеалом, который был рожден свободной творческой

17. См., например, один из многочисленных материалов женского интернет-журнала «Wonderzine» по тегу «абьюз» [Пивоварова 2017].

фантазией, предстает в романе не как черта “чудаков”, время от времени появляющихся в литературе, а как потребность, живущая в каждом человеке, в людях вообще. Такому порыву, такому сознанию, такому герою противостоит не рок, не какие-то враждебные лично ему силы, а объективный ход жизни» [Отрадин 1992: 124].

Идентификационная интенциональность мема, таким образом, тоже совпадает с классической рецепцией: традиционно образ Обломова прочитывается как типический — и к типизации, то есть к солидаризации опытов, стремится интернет-мем. Но масштабы этой типизации различны: если канон апеллирует к абстрактным общечеловеческим смыслам и универсальным культурным значениям, то интернет-мем, напротив, к конкретным: потому что эти смыслы и культурные значения известны читателю из его собственного жизненного опыта. Различны и измерения типизации: традиционный конфликт Обломова — «высокий», поэтический, тогда как интернет-мем интересуется повседневностью, бытом — «низменной» жизнью¹⁸.

Разность масштабов и измерений типизации говорит, на наш взгляд, о смене читательской стратегии — об экспликации потребности в иной читательской рецепции. В воображаемом культурной традиции литература предлагает некоторую «высокую» модель, до которой необходимо «дотянуться» жизни: через воспроизведение этой модели в повседневном личном опыте. Литература — область идеального, и к художественному идеалу хочет стремиться жизнь, что неизбежно ведет к конфликту сценариев.

Что же происходит в интернет-меме? Литературное содержание вовлекается в особую коммуникативную среду. Интернет-мем — средство повседневной бытовой коммуникации. И литература — область «высоких», «серьезных» культурных смыслов — встраивается в этот повседневный дискурс, становится тем же «мемным» языком повседневного общения, приобретает качество «повседневности».

18. Здесь следует сделать оговорку. Мы не утверждаем, что «десакрализирующая» функция интернет-мема по отношению к художественному тексту уникальна — истории литературы известны и иные, доцифровые формы «обытовления» классики такие, как пародии, переложения, анекдоты, частушки и т.п., и сопоставление их с интернет-мемами может стать темой отдельного исследования. Однако принципиальное отличие интернет-мема от «традиционных» форм рецепции, как представляется, состоит в том, что все эти «традиционные» формы сознают себя в одной дискурсивной плоскости с классической литературой, занимаясь лишь перекомпоновкой ее структурных элементов (например, гиперболизацией), тогда как интернет-мем обращает литературный сюжет в чужеродную ему дискурсивную плоскость актуальной реальности, осваиваемой через личный опыт читателя.

Литературное содержание выводится интернет-мемом из собственно литературного поля, но при этом не девальвируется (как показывает материал сообщества «Literary Memes», ценность литературы, ее «традиционная» культурная модальность, сохраняется); принципиально иной становится логика обращения с этим литературным содержанием. **Через структуру интернет-мема литературный контекст подключается к другим, нелитературным, контекстам, формирующим «жизненный мир» социального читателя, — «мир, который мы вместе переживаем, мир, смыслы которого подлежат согласованию» [Адоньева 2017: 13], — конвенциональную повседневную реальность. Литература, таким образом, оказывается для читателя не «наджизненна» (как это было «традиционно»), а именно «жизненна» — это уже не идеал, к которому должна стремиться жизнь, а — практически, в буквальном смысле — сама жизнь.**

Интернет-мем сокращает культурную дистанцию между канонизированным текстом и читателем благодаря смеху — художественное произведение осваивается читателем через призму его собственного жизненного опыта. Подключая внеположные институционализированной культурной повестке идентификационные основания прочтения классического текста, мем выводит его из традиционного иерархизированного поля канона: снимает с классического текста заряд культурной «неприкасаемости», но при этом не лишает этот текст статуса классичности за счет сохранения общей культурно поддерживаемой модальности. **Перед нами качественно новый способ отношения к художественному тексту — с традиционным запросом на поиск идентичности, но без традиционной культурной дистанции.** Всенаправленный смех мема максимально приближает художественный текст к читателю, который воспринимает художественный опыт как собственный, а собственный опыт — как совместимый с художественной реальностью. В результате интернет-мем благодаря своей коммуникативности делает литературное содержание достоянием как индивидуального, так и коллективного опыта.

И тогда универсальность — вневременность, общечеловечность — классического текста обнаруживается в самой способности литературного содержания взаимодействовать с разнообразными контекстами жизненного мира читателя, встраиваться в них, формируя различные культурные опыты. Отсюда регулярное воспроизведение в интернет-мемах одних и тех же устойчивых литературных сюжетов: смысловое поле классического текста как бы пробует себя в различных современных контекстах, используя для этого различные визуальные формы-образы, утверждая тем самым свою

релевантность для разных частных, здесь и сейчас формирующихся опытов, — и везде оказывается уместным. Думается, эта проявляющая себя в мемах читательская практика свидетельствует не о кризисе классического канона, но о смене актуального для современной культуры чтения рецептивного сценария.

Список источников

1. [Об утверждении... 2010] — Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования: приказ Министерства образования и науки РФ от 17 декабря 2010 г. № 1897. URL: [link](#) (дата обращения 17.03.2021).
2. [Поливанова. 2021] — *Поливанова К.* Роль чтения в жизни ребенка. URL: [link](#) (дата обращения 24.03.2021).
3. [Literary Memes] — Literary Memes: страница в социальной сети «ВКонтакте». URL: [link](#) (дата обращения 12.09.2021).

Список литературы

1. [Адоньева 2017] — *Адоньева С.Б.* Полнота повседневности // Адоньева С.Б., Веселова И.С., Мариничева Ю.Ю., Петрова (Матвиевская) Л.Ф. Первичные знаки / Назначенная реальность. СПб.: Пропповский центр, 2017. С. 11–46.
2. [Андерсон 2016] — *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В.Г. Николаева под ред. С.П. Баньковской. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.
3. [Аронсон 2021] — *Аронсон П.Я.* Любовь: сделай сам. Как мы стали менеджерами своих чувств. М.: Индивидуум, 2021. 192 с.
4. [Борусяк 2017] — *Борусяк Л.Ф.* «Школьная литература: почему ее не любят школьники. По результатам исследования российских школьников и студентов» // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2017. № 3–4. С. 187–196.
5. [Васякина 2021] — *Васякина О.* Мы даже не представляем, что за бомба у нас в руках // Прочтение. 09.03.2021. URL: [link](#) (дата обращения 25.03.2021).
6. [Гудков, Дубин 2020] — *Гудков Л., Дубин Б.* Литература как социальный институт // Литература как социальный институт: Сборник работ. М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 46–154.

7. [Гуссерль 2013] — *Гуссерль Э.* Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию / пер. с нем. Д.Н. Кузницына. СПб.: Наука, 2013. 493 с.
8. [Лазебников 2019] — *Лазебников Р.* Классическая литература в школе XXI века: почему дети ее не понимают // Мел. Блоги. 16.01.2019. URL: [link](#) (дата обращения 24.03.2021).
9. [Лоскутникова 2012] — *Лоскутникова М.Б.* «Ирония в романе И.А. Гончарова “Обломов”» // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2012. № 1. С. 15–23.
10. [Отрадин 1991] — *Отрадин М.В.* «Обломов» в зеркале времени // Роман И.А. Гончарова «Обломов» в русской критике / Сост. М.В. Отрадин. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. С. 4–20.
11. [Отрадин 1992] — *Отрадин М.В.* К вопросу о своеобразии эпической объективности и роли юмора в романе И.А. Гончарова «Обломов» // Материалы юбилейной гончаровской конференции 1987 года / Под ред. Н.Б. Шарыгиной. Ульяновск: Симбирская книга, 1992. С. 115–126.
12. [Пивоварова 2017] — *Пивоварова А.* Эмоциональное насилие: Как противостоять абьюзеру, если уйти нельзя // Wonderzine. 24.10.2017. URL: [link](#) (дата обращения 25.04.2021).
13. [Разумихина 2020] — *Разумихина О. В.* помощь школьнику. 10 класс. И.А. Гончаров. «Обломов» (1859) // Год литературы. 02.10.2020. URL: [link](#) (дата обращения 24.02.2021).
14. [Раппопорт 2021] — *Раппопорт Р.В.* Читай не хочю. Что мешает ребенку полюбить книги. М.: Индивидуум, 2021. 256 с.
15. [Рейтблат 2014] — *Рейтблат А.И.* Русская литература как социальный институт // Писать поперек: Статьи по биографике, социологии и истории литературы / под ред. Тимофеева Н. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 11–32.
16. [Чуковский 2012] — *Чуковский К.И.* Живой как жизнь: О русском языке // Собрание сочинений: В 15 т. Т. 4: Живой как жизнь: О русском языке; О Чехове; Илья Репин; Приложение / сост., коммент. Е. Чуковской. М.: Агентство ФТМ, Лтд., 2012. С. 5–194.
17. [Jenkins 2006] — *Jenkins H.* Convergence culture: where old and new media collide. New York; London: New York University Press, 2006. 308 p.
18. [OED] — Oxford English Dictionary. URL: [link](#) (дата обращения 27.06.2020).

Ольга Сергеевна Мигутина
Санкт-Петербургский
государственный университет,
филологический факультет,
магистерская программа
«Русская литература»
(выпускник 2021 года)
olyamig_96@mail.ru

Olga Migutina
Saint Petersburg State University,
Faculty of Philology,
MA programme in Russian Literature
(graduate of 2021)
olyamig_96@mail.ru